

Андрей Белый

Возврат

Андрей Белый
Возврат
Серия «Симфонии», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3119945

Аннотация

«Серо-пепельное облако дымилось и сверкало своими нижними краями на горизонте.

Над ним небо казалось золотисто-зеленым, а под ним развернули желто-розовую ленту атласа, и вот она линияла.

Ребенок играл на берегу, копая бархатный песочек перламутровой раковиной... Иногда он лукаво смеялся. Хлопал в ладоши.

А в глазах его брызгали синие искорки.

Зыбкие, ускользающие волны рассыпались бурмидскими жемчугами...»

Содержание

Часть первая	4
I	4
II	8
III	11
IV	16
V	20
VI	23
VII	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Белый

Возврат

Часть первая

I

Серо-пепельное облако дымилось и сверкало своими нижними краями на горизонте.

Над ним небо казалось золотисто-зеленым, а под ним развернули желто-розовую ленту атласа, и вот она линияла.

Ребенок играл на берегу, копая бархатный песочек перламутровой раковинной... Иногда он лукаво смеялся. Хлопал в ладоши.

А в глазах его брызгали синие искорки.

Зыбкие, ускользающие волны рассыпались бурмидскими жемчугами¹.

Наигравшись, ребенок сел на берегу и стал вызывать из бездны моря своего товарища, краба, пока голубая волна не выплеснула ребенку его товарища.

---

¹ *Бурмидские жемчуга* – особенно крупные, добывавшиеся в Персидском заливе.

Краб был огромен и толст. Они стали возиться друг с Другом.

Ребенок хлопал в ладоши. Кидал в благодушного краба круглячками. А краб, изловчившись, запускал свою толстую клешню в белокурую головку ребенка и таскал шалуна вдоль песчаного бережка.

Потом, навозившись друг с другом, они подали друг Другу свои конечности, и толстый краб ушел в бездну моря.

А уж близился вечер... Пена сверкнула рубинами...

Окрестность замутилась бледно-синим туманом... Зазвякали высыпающие звезды...

Из-за утеса дважды полыхнула ядовитая вечерняя Молния.

Белый камень, похожий на человека, виднелся вдали на берегу: точно старик застыл, согбенный, и думал думу.

Ребенок смеялся, щуря синие очи, поглядывал на камень и говорил: «Знаю тебя... Ты прикидываешься...»

Но белое очертание не двигалось. Ведь это был только камень.

И ребенок зевал... Поглядывая на береговое очертание, он шептал не без лукавости: «Приходи скорее...»

Ребенок боялся молнии и туманов... Он ушел на груды камней.

Здесь он жил. Здесь ночевал. Отсюда он смеялся над туманами.

Прилетели черные, ночные кулички... Стали бегать вдоль берега, посвистывая: «Жди-и-и...» И под эти звуки он заснул...

Серо-пепельное море отливало снежным серебром, как бы очищенным от скверны.

Низкое, волнистое облако понависло над морем, закрывая лунный серп.

Выползший краб шевелил усами и щелкал клешнями. Это он грелся на суше, поглядывая на спящего хитрыми, ласковыми глазками.

Прошрое, давно забытое, вечное как мир, окутало даль сырыми пеленами... В море раздавалось сладкое рыдание: это восторг перерос вселенную.

Низкое облачко, волнуясь и дымясь, заколебалось над морем и потом, разорвавшись от восторга, понеслось куда-то вбок своими священными обрывками.

Там, где был камень, сидел старик. Он повернул к спящему ребенку невыразимое лицо свое, бархатным басом кричал спящему: «Твое тихое счастье отливает серебром...

«Так хорошо... Так лучше всего...»

Старик пошел вдоль берега, чертя на песке мистические знаки своим ослепительным жезлом.

Это он вычислял скорость междупланетных танцев; уже он вычислял тысячелетия, но еще не перестал удивляться...

Он бормотал: «Так повелел Господь Бог». Глухие подзем-

ные удары сопровождали его слова странным аккомпанементом.

Огромный, белый горб повис между небом и землею, и лунный серп, разорвав его в одном месте, посылал на старика свои мягкие лучи.

II

Ребенок проснулся. Он лежал на спине. Ему казалось, что небесная глубина, истыканная звучащим золотом, спустилась к его лицу.

И он поднимал голову, но небо убегало вверх, и никто не знал, как оно высоко.

Ребенок озибался сонными глазами. Был прилив» Море подошло. Теперь оно лизало серые камни.

Вдали неслия херувим багровым метеором, оставляя на море летучую полосу огня.

И море шептало: «Не надо, не надо...» И херувим рассыпался потоком искр.

Ему казалось, что вселенная заключила его в свои мировые объятия... Все опрокинулось вокруг него.

Он свесился над черной бездной, в неизмеримой глубине которой совершался бег созвездий.

Его тянуло в эти черные, вселенские объятия. Он боялся упасть в бездонное...

Это только казалось.

Все было тихо. Оставалось по-прежнему. Вдали слышались восклицания: таинственный старик совершал вычисления, радуясь бегу планет.

Стал ходить по серым камням ребенок. Успокаивал себя:

«Это все сны... И мне не страшно...»

Море шумело. Пронеслась стая черных куличков, задевая ребенка упругими крыльями.

Пахнуло знакомой близостью. Не успел обернуться, как его плечи закутали теплым, козым пухом, и старческая рука стала поглаживать шелковистые волосы.

Это пришел старик. Ему смеялся ребенок: «Ты опять пришел. Ты не камень...»

Старик оборвал его, гремя басом: «Так хорошо... Так лучше всего...» Сел рядом.

Тонкий, изогнутый полумесяц затерялся в голубой ясности, порвав облачные иглы, занесенные в вышину... Старик весь просиял и казался снежно-серебряным.

То он наклонялся к спящему, воздевая над ним свои благословляющие руки, то, откинувшись, сидел неподвижный, весь сверкающий.

Белоструйная седина покрывала сутулые плечи. Борода протянулась до пояса.

Серые очи – две бездны, сидевшие в огромных глазницах, – впились в успокоенную даль.

Гасли бледно-синие туманы. Убегали на запад. Изумрудно-золотой небосклон розовел.

Ребенок протирал синие очи. Шептал: «Старик еще здесь». Забывался.

Серебряно-белые ризы, ослепительный жезл старика тре-

петали в оранжевых искрах.

На груди старика колыхалось таинственное ожерелье из бриллиантов. Казалось, это были все огоньки, вспыхнувшие на груди... А к ожерелью был привешен знак неизменной Вечности.

Старик молчал, но сдержанные восторги рвались из воспаленной груди его.

Казалось – он шептал: «Созвездие Волопаса прожило сто миллионов лет. Проживет и еще столько же... А к созвездию Пса приблизилась яростная комета...»

Это он вел счет своему хозяйству.

Ребенок проснулся. Старик исчез. С грустью вспоминал ночное посещение.

Взглянул туда, где торчал белый камень. Камня не было.

Нагрянувший прилив унес его в море, чтобы снова выбросить...

Ребенок задумчиво стал гулять вдоль берега. Собирал перламутры. Иногда он давил перламутры. Они хрустели под ногами.

Ветер дул ему в лицо, обсыпал бархатным песочком.

III

Белокрылый орел потряс окрестность ликующим криком, и этот крик слушал ребенок, прижавшись к черной скале...

В его глаза вставили по огромной бирюзе, и вот из глаз исходили лазурно-синие лучи, потому что ребенок слушал зов, по временам возникавший из Вечности.

Ему было грустно и весело. Он знал, что старик бродит в этих странах.

На фоне оранжевого горизонта плыл благодущный кентавр, рассекая прозрачные волны лошадиными копытами... Над морем восходил пламенный яхонт.

На него сбоку наплывала покорная туча своими длинными, узкими перстами из расплавленного золота... Скоро она все покрыла белым горбом.

Горбатые края засверкали.

К нему приполз краб. Сидел перед ним, раскорячившись. Оживленно толковали о текущих событиях.

Водяной обитатель спешил уведомить ребенка, что в глубинах – волнение: еще вчера к ним приполз неведомый змий и теперь залегает в кораллах.

Так говорил краб, разводя клешнями на солнечном припеке; со слезами на глазах умолял ребенка быть осторожным, не слишком удаляться от серых камней.

Но ребенок не боялся змия: он знал, что сюда пришел и старик.

Любопытный ребенок взобрался на черную скалу, нависшую над морем. Прозрачная вода не скрывала тайн.

Звезды морские усеяли дно. Ребенок видел на дне и заснувшего змия, и бледно-розовый коралл с мелькавшими над ним бриллиантовыми рыбками.

Это была огромная змея с небольшой головой как бы теленка, увенчанной золотыми рожками.

Ребенок смеялся над спящим ужасом, шептал своим жемчужным голоском: «Ты мне не страшно, чудовище: я высоко над тобою. Мне весело! Меня защитят от твоих покушений!»

Так малютка покрикивал, то белея, то вспыхивая, но бледно-желтые волосы тихо встали над головой от неведомого ужаса.

Вдруг спящая гадина подняла телячью головку свою, – облизнувшись, мгновенно скрылась в коралловых зарослях...

Обернувшийся ребенок увидел старика.

Ризы старика не сверкали, как ночью, а на мраморном челе притаилась чуть видная морщина.

Старик прошел, не глядя на ребенка, по временам нагибаясь к земле.

Это он собирал жемчужины.

Водяные отрывки туч – снежно-белые, поддуваемые вет-

ром, — так низко пролетали над скалами.

Быстрая птица, возносясь, по временам пронзала их криком.

Вечер подкрался незаметно. Снова блестела зарница ядовито-коварным пламенем. В отчетливой ясности на востоке стоял огромный утес.

По вечерам там расхаживал строгий муж, охранявший Эдем. В его руках сверкал огненный меч.

По временам он заносил над вечереющим миром огнистое лезвие меча: тогда казалось, что вспыхивает молния.

Тонкая, изогнутая полоска серебра поднималась над волнами, и растянутые облачка засверкали, как знакомые, серебряные нити на фоне бледно-голубого бархата.

Ребенок не вернулся к серым камням, но остался ночевать на черной скале. Он ничего не боялся, потому что вдали от времени до времени сверкало облачко серебром своим и потом вновь пропадало.

Любовно засматривался ребенок на далекое сверкающее облачко, шепча: «Это старик. Его ризы сверкают...»

Вдали несли херувим багровым метеором.

Когда все уснуло, все успокоилось, из морской глубины поднялась к небу точно гигантская палка. Это была морская змея.

Рогатая, телячья головка, вознесенная кверху, быстро повертывалась во все стороны, высматривая и вынюхивая»

Потом она опустилась в глубину так же бесшумно, как и поднялась.

Глядя на морскую поверхность, никто не мог бы сказать, какие ужасы водятся в глубине ее.

Ребенок видел сон. Ему казалось, что огромные змеи душат его в своих могучих объятиях.

И он просыпался, но все было тихо. Вдали, в этих мирных объятиях, черно-бредовых, неся херувим багровым метеором, оставляя на море летучую полосу огня.

И море шептало: «Не надо, не надо...» И херувим рассыпался потоком искр...

С тех пор ребенок встречал старика и на крутизнах, и среди отмелей.

Его молчаливый силуэт был овеян тайной. Это впечатление усиливалось, когда ребенок смотрел на сутулые плечи старика.

Тогда ему казалось, что старик *совсем особенный*.

Однажды, обернувшись невзначай, старик поймал на себе синий взор, исполненный недоумения.

Но старик не пожелал выяснить недоумения: он не заговаривал с ребенком.

В те дни воздух был прозрачен, как лучистая лазурь и как

леопардова шкура. По вечерам особенно явственно вспыхивал багровый отблеск огромного меча, качаясь на волнах.

Иногда тут пролетали отголоски громов. Их нес ветерок, не давая вслушиваться в содержание этих громовых рокотов.

Здесь было ясно, но где-то не было так. Там висела грозовая туча, и ребенку казалось, что настанет день, когда туча передвинется сюда...

IV

Черные камни были навалены друг на друга. Неизвестно откуда вырастали громады, окруженные безднами и провалами.

Старик взбирался по кручам, вонзая жезл в расселины скал, а за ним карабкался ребенок, отслеживать тайны, вознесенные над землей.

Он был как в лихорадке. Глаза его сияли. Запекшиеся губы шептали: «В высоту».

Очертание мелькавшего старика безостановочно возносилось к высоте, без страха преодолевая и бездны, и кручи.

Седая голова, глубоко сидевшая в могучих плечах, была закинута назад со вскинутой бородой, раздуваемой ветром, а спина была выгнута дугой: старик сгибался, цепляясь руками за травы и кустарники, сидевшие в трещинах скал.

Черные камни высились до неба, чтобы оборваться к морю... Ветер свистал ил на ухо: «В высоту...»

Они взошли. Хребты нависли над морем. Головокружение – коварная обительница высот – вскружило им головы. Казалось, что они в небе.

Внизу шумело море крохотными волнами, а благословляющий полукруг багряного солнца быстро убегал в невозвратную глубину.

Старик не боялся. Головокружительные слова срывались

с огненных уст, волнуя седину.

Бриллиантовое ожерелье блистало цветными мирами, и он отдавал солнцу летучие приказания:

«Созвездие Геркулеса обрекаю на пожар, а Сатурна замораживаю...» Это он вел счет своему хозяйству.

Стоя на высоте, старик мог ежеминутно сорваться, и ребенок дрожал от опасности. Ему хотелось крикнуть: «Спасите старика...»

Багряно-огненный полукруг убежал в глубину. От него осталась сверкающая точка.

Старик всплеснул руками и сорвался с острого хребта скал. Он не упал в водно-зеленую глубину, но исчез в пространстве между вершиной скалы и морем.

Вечерняя прозрачность была напоена грустью... Огромная *белая* птица тяжелыми взмахами крыл разрезала прозрачность.

Тихо покрикивая, уносилась вдаль.

Поворачивала вправо и влево свою длинную шею. Покрикивала, тихо покрикивала, смеясь над невозможным.

На пернатой шее ее сверкало ожерелье из разноцветных огоньков, а таинственный знак неизменной Вечности раскачивался, привязанный к ожерелью.

Казалось, она летела далеко, далеко, в иные миры, к иным созвездиям.

Ребенок сказал: «Это неспроста... Старик *совсем особенный*...»

Тут его поцеловало головокружение, и золотые струи волос заплясали вокруг головы, и он, ахнув, ухватился за камни.

Огненные персты – персты восторга – тихо гасли один за другим.

Вдали еще виднелась летящая, белая точка.

Скоро она затерялась вдали, стремясь в иные миры, к иным созвездиям.

Ребенок заглянул вниз, где не было дна, а только успокоенная бесконечность.

Черная скала повисла менаду двумя небесами.

Сверху и снизу свесилось по ребенку. Каждый впивался в своего двойника безмирно-синими очами, то белея, то вспыхивая.

Темнело. Ветер носился вдоль сонных хребтов, путая и скидывая пушистые кудри ребенка.

Вдруг яркая молния сверкнула с востока из незаметно подкравшейся мглы.

Глухой рокот громов перекатился в туманных провалах. Дрогнули скалы, отрясая камни.

Испуганный ребенок заметил очертание строгого мужа, охранявшего Эдем, окруженного тучами бреда.

Это он возносил от времени до времени свой огненный

меч над вечерним миром и с силой ударял его о скалу.

Ночью ребенок спал, беспокоясь, тихо стеная. А внизу из моря выползла страшная гадина и потащилась вдоль берега, шурша и свиваясь в кольца.

Маленькая, телячья головка, увенчанная золотыми рожками, быстро поворачивалась по сторонам, высматривая и вынюхивая.

Она проползла мимо нагроможденных каменных обломков, где спал ребенок, и скоро затерялась в ночи.

С тех пор в воздухе показалась как бы дымка, а жгучее беспокойство ребенка усилилось.

В тревоге он ходил за стариком, прячась и подсматривая, как бы чуя близость гадины в этих местах.

V

Была темная ночь. Беспокойный ребенок, мучимый невидимым, тихо крался за мелькавшим в тумане стариком.

Старик шествовал с огненным светочем в руках, высоко вознесенным над головою.

Скоро он потерял старика и ходил в туманах, и жаловался.

Вдруг из тумана полыхнуло кровавое пламя. Ласковый голос нежно рокотал: «А кто это, проказник, все подсматривает за мной?..»

Ребенок заплакал, неизвестно почему. А над ним склонился белоструйный старик, и белые струи кудрей затанцевали на щеках у ребенка, точно среброрунные завитки козьего меха. Принял ребенка в свои мировые объятия, выпустив светоч из рук.

Огненный светоч потух и лежал на земле, опаленный и смрадный.

Старик. Глаза твои в слезах... Ты боишься и плачешь... Что с тобою?..

Ребенок. Я боюсь... На скале уже нельзя безопасно засматриваться в глубину. Там залегает сонный ужас между красными кораллами.

Старик. Это ничего... Это только так кажется.

Ребенок. Ветер шепчет мне, что я гибну, и ты пришел спа-

сать от сонных опасностей... Ветер шепчет мне, – будущее неизменно. Мне страшно, мне страшно, ты опять показался в этих местах... Я боюсь, что это уже не раз бывало когда-то, но кончалось печалью... Я рад, что ты здесь... Я люблю тебя, старик, но мне страшно.

Старик. Успокойся. Засни. Позабудь. Ужас еще до меня приполз подводными путями, и теперь не думаю, чтобы он осмелился подняться из глубин.

Тут повеяло дурным ветерком, и старик ужаснулся. За-молчал.

Сидел, пригорюнившись.

Отдаленное прошлое хлынуло на них от сверкающих в небе созвездий.

А к песчаному мысу плыла водяная змея, оглашая туманную окрестность протяжным ревом.

На ее спине сидел оборванец, почтительно держа гадину за позолоченные рожки, чтобы не свалиться.

Она не могла удушить ребенка и вот перетащила на спине через необъятный океан убийцу, способного на все...

Ребенок. Старик, кто это ревет так протяжно, так грустно в океане?.. Я никогда еще не слышал такого голоса...

Старик. Это морской гражданин вынырнул из глубины... Теперь он отрясает от воды свою зеленую бороду и пробует голос, потому что считает себя певцом...

Ребенок. Я знаю голоса морских граждан, и они не звучат так протяжно, так странно.

Но старик молчал. Дрожал от нехорошего холодка, обвевавшего их. Бормотал про себя: «Нет, его не спасешь... Он должен повториться... Случится одно из ненужных повторений его...»

«Наступает день Великого Заката».

Отдаленное прошлое хлынуло на них от сверкающих в небе созвездий...

На песчаном мысе происходило поганое совещание. Змий, свернувшись в мерзкий клубок, вытягивал свою шею и тупо мычал, а привезенный из-за туманного океана негодник покорно выслушивал приказания повелителя...

Пощипывал волчью бородку, сверкал зелеными глазками, мял в руке войлочный колпак, не смея надеть его в присутствии змеевидной гадины.

Наконец, гадина поползла к морю и, тяжело шлепнувшись, пропала в волнах.

Незнакомый поганец остался один на мысе.

Он развел здесь багровый огонек и убивал время в ожидании утра.

VI

Была ночь. На громадном черном утесе, вонзавшемся в небо, сутулый старик, весь протянутый к небу, стоял, опершись на свой жезл.

Струи холодных ветров били в ночного старика, и риза его была черна, как ночь. И она сливалась с ночью.

Струи холодных ветров били в ночного старика, и темнокрылая риза билась у него за спиной, протягиваясь лопастями.

Точно это были крылья ночи, и они сливались с ночью. И казалось, старик в черноте на громадном черном утесе не стоял, а летел, как летучая мышь, над миром.

И казалось, борода его протягивалась во мраке серебрунным облачком, как туманность, собирающаяся разродиться огненными слезами созвездий, неслась в ночном круговороте времен.

И сверкающее ожерелье мерцало на груди его, и казалось, это все были звезды. Иногда мерцающая звезда – оторванный от груди бриллиант – кружилась во мраке ночи.

И старик разбрасывал бриллианты. И бриллианты, точно новые посевы миров, ослепительно кружились во мраке ночи.

Казалось, на них зарождались новые жизни, новые роды существ совершали жизненные круги.

А старик все летел, размахивая крыльями. Летел и кричал: «Ребенок повторится. На каждом застывшем бриллианте возникнет он для вечных повторений».

Но это казалось. Старик в темноте, на громадном черном утесе, не летел, а стоял. Холодные струи ветров били в него, и темнокрылая риза протягивалась лопастями.

И по мере того, как на небо восходил белый день, темная риза его просветлялась чище снега.

Прозрачно-зеленое море подмигивало своею поверхностью, ударяясь о берег звонкими всплесками. Нежное, хрупкое, стеклянное небо казалось золотисто-зеленым... Только одни горизонты дымились лилово-багряным.

А то все было зелено.

Но еще зеленей был морской черт, поднявшийся из глубины, чтобы покричать на солнечном восходе.

Он простирали свои перепончатые лапы к недоступной, но милой суше, вращая темно-красными глазками...

Это был добродушный черт – обитатель моря.

Вокруг него побежали круги, отливая лилово-багряным.

Над зелеными волнами стали просвечивать атласные, тонко-розовые одежды морских красавиц, которые то приближались к поверхности, то удалялись в глубину.

Но это не были одежды красавиц, а нежно-заревые блики.

Вот уже зеленый морской черт, покричав и поплавав, нырнул в глубину: он плеснул серебристо-чешуйчатым хвостом

своим.

Все было пустынно и тихо.

Один лишь сутулый старик думал думу на крутом утесе.

Глаза его – две серые бездны, сидевшие в глубоких глазницах, – казались *совсем особенными*.

Таинственный знак неизменной Вечности висел на старческой груди.

Он тихо покачивался...

VII

Еще с утра в этих местах показался Царь-Ветер.

Теперь он гудел в большую раковину, сидя на гранитной глыбе.

И неслись эти плачевные звуки, жалуясь и унывая.

Шла буря.

Старик явился, как вихрь. Его волосы метались. Одежды старика рвались прочь.

В голосе раздавалось сдержанное негодование.

Ребенок понял, что не он предмет раздражения. Кто-то посторонний, проникший *даже сюда*, возбуждал негодование.

Старик взял его за руку и сказал: «Сегодня решится твоя участь».

И повел.

Безмирно-синее пространство, равнодушно смеясь над головами путешественников, провожало их долгим взором.

Грот был в глубине залива. Черно-серые камни высились над ним.

На противоположном берегу лежали горбуны-великаны, и торчали их горбатые груди.

Это были граниты.

Ослепительная синь, заслоняемая пышно водяными купо-

лами, пьяно смеялась над гранитами.

Внутри грота было темно и влажно.

Сверху падали водяные струи и вытекали из грота алмазным ручейком с опрокинутым в нем безмирно-синим пространством.

Кто-то бегал над гротом в длинном, войлочном колпаке, потрясал коричневым рваньем и задорной бородкой, протягивал в синеющую даль залива свои мохнатые руки.

В одной руке он держал большую, желто-красную раковину и то прикладывал к отверстию раковины свои кровавые уста, выводя звуки и морща лоб, то прижимал ее к длинному уху, чтобы слушать, то выделял кривыми ногами поганые скачки.

Он с ужимками славил бурю. Волчья кровожадность от времени до времени заливала багрянцем его землистое лицо.

Это был Царь-Ветер – душевно-больной.

Сюда привел старик ребенка.

Царь-Ветер быстро спрятался в камнях. Только войлочный колпак его торчал из-за серого камня, да порой раздавалось сдержанное чиханье.

И от этого чиханья трогалась серебряно-белая пыль, крутится и вновь расстилаясь вдоль берега.

Ревучие волны, вскипая, перескакивали через прибрежный бурун.

Черный буревестник распластался над морем.

Старик сказал: «Это грот дум. Здесь *впервые узнают. Отсюда впервые спускаются. Отправляются путешествовать...*

«Теперь наступило... Ты должен... Необходимо...»

И когда ребенок спросил, что наступило, старик отвернулся и вышел из темного грота.

Сел *думать* у низкого входа его, запахнувшись в плащ»
Сутулые плечи старика были высоко подняты. Казалось, миры вращались вокруг его священной бороды.

Ветерок заиграл мягкими, белыми кудрями. Пушистые пряди то вставляли над огромным челом, то вновь прижимались к старческим щекам.

Точно они заигрывали с вечно-глубокой думой, зажженной в глазницах. Точно они просили: «Полегче, полегче... Не так серьезно...»

А из-за серых камней раздавался негодующий свист и чиханье: трогалась серебряно-белая пыль и, крутясь, мчалась вдоль берега.

Иногда из-за серых камней в неподвижного старика летели круглячки и чертовы пальцы.

Иногда показывалась голова душевно-больного колпачника, искаженная гримасой и совершенно бледная...

Иногда колпачник вскрикивал от избытка негодования, как кошка, у которой защемили хвост, и при этом скрывался за камни.

Тут у входа в грот произошло нечто странное. Солнце

пронзило туман, окатив старика, который встал с камня и заостенел в глухом порыве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.